

Происхождение морали: свобода воли и нравственность

Аннотация. В статье рассматривается специфика образования общих моральных понятий. Отмечается, что в этом процессе участвует сознание, подсознание и интуиция. При этом интуиция доводит нравственные идеи до такой степени абстракции, до которой сознание в силу представленного в нем эгоистического интереса их довести не может. Подсознание обеспечивает автоматизмы поведения и в то же время достраивает наши представления до системной целостности. Моральное мышление, осознание отношения с другими составляют важную сторону формирования человеческого сознания в целом. В статье рассматривается также проблема свободы воли и моральной ответственности. Критикуются взгляды аналитических философов, считающих свободу воли иллюзией. Демонстрируется, что свобода воли заключена уже в психических механизмах, связанных со способностью ориентации на основе идеальных образов. Она возникает в силу того, что мозг прорабатывает все возможные ситуации действия в гипотетически полагаемой реальности, состояние которой относится к некоторому моменту в будущем. Это заставляет ставить себя на место другого, и отсюда возникает первичное нравственное отношение. В какой-то степени на это способны и высшие животные, но человек может более глубоко анализировать ситуацию действия, относить свои представления к отдаленному будущему, поскольку язык позволяет ему преодолеть непосредственные эмоциональные реакции на ситуацию.

В разрешении проблемы о свободе воли я принимаю теорию эмерджентной причинности, т.е. представление о том, что одни нейронные сети могут управлять другими и это позволяет интерпретировать идеальное на основе материального. Идеальное в такой интерпретации оказывается некоторым смыслом, порожденным сложноорганизованными взаимодействиями мозговых сетей. При этом порождаемые работой мозга смыслы учитывают феноменальный опыт субъекта, его прошлые эмоциональные реакции на разнообразные события индивидуальной жизни. Это дает возможность классифицировать события, отделять важное от неважного при планировании будущих действий.

Ключевые слова: сознание, воля, свобода, ответственность, характер, мозг, нейронные сети, образы, причинность, эмоции.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.016-026

В ряде своих работ я показал связь сознания и нравственности. На мысль о том, что сознание с самого начала своего возникновения содержит нравственную компоненту, наводит даже сравнение однокоренных слов: «сознание» и «совесть» (в русском языке),

© Разин А. В., 2018

* Разин Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
razin54@mail.ru
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»

consciousness и conscience (в английском). Этимологически термин «сознание» происходит от представления, согласно которому может существовать некоторое совместное знание, а «совесть» — от понятия «сови́дение», т.е. наблюдение моего поведения кем-то еще. Но совместно с кем существует знание, составляющее содержание нашего сознания, и кто осуществляет «сови́дение»?

Я думаю, что сейчас уже хорошо известно, что сам язык содержит некоторые исходные смыслы, в том числе и морального значения. Об этом, в частности, говорит К. О. Апель. Если мы приступаем к обсуждению моральной проблематики, это означает, что у нас уже имеется некоторое исходное представление о том, что такое мораль.

Опираясь на эту методологию, можно предположить, что люди очень давно, вместе с тем, как начинал формироваться их язык, поняли, что наше сознание не есть наше индивидуальное достояние, а совместное существование с другими людьми накладывает на нас нравственные ограничения. В китайском языке среди первых иероглифов, определяющих онтологический статус человеческого бытия, присутствует иероглиф «Жень». Он означает любовь, добродушие, основан на понимании того, что есть другой человек. В качестве второго иероглифа идет «И» — справедливость.

Собственно говоря, я думаю, что совесть и справедливость были первыми понятиями нравственного сознания.

В работе П. А. Кропоткина «Этика» из идеи сохранения целостности непосредственно выводится идея равенства воздаяния, а затем и более развитые представления о справедливости. «Первобытные дикари и более цивилизованные народы по сию пору понимают под словами “правда”, “справедливость” восстановление нарушенного равновесия»¹.

Совесть связана с представлением о том, что кто-то, высшее существо или даже просто другой человек, по отношению к которому я сделал

что-то плохое, наблюдает мое поведение и способен как-то отомстить.

Но прежде, чем возникают такие, уже вполне развитые абстракции нравственного мышления, человек должен был пройти стадию осознания своей индивидуальности. Эта стадия была связана с некоторым шоком, с особым состоянием возбуждения, неупорядоченности психики, которая выводила человека за рамки привычных регулятивов, основанных на коллективных представлениях и коллективных формах массового поведения. Разные исследователи по-разному оценивают это состояние. Ю. М. Бородай связывает его с гештальтом смерти², Ф. И. Гиренок называет шизофреническим шоком, вызванным тем, что из-за нехватки пищи пришлось есть своих соплеменников³, я связываю его с переходом от состояния слитности при охоте в толпе к состоянию покоя, после удовлетворения пищевой и половых потребностей. *Состояние, сходное с состоянием похмелья.*

Но не будем сейчас на этом подробно останавливаться, главное подчеркнуть, что человек стал задумываться о себе, понял, что он не всегда находится в состоянии коллективного единства, подкрепленного чувством эмоционального возбуждения и сознанием единения, короче говоря, он начал задумываться о том, что такое свобода, и вырабатывать развитые, отличные от коллективных форм поведения правила взаимоотношения с другими.

Это сначала привело к моральным ограничениям, формулированию разного рода табу, а затем и к правовым нормам.

По большому счету и в результате утверждения в обществе моральных и правовых норм создается новая, искусственная среда, новая реальность, которой до утверждения этих норм просто не было, которая не имеет прямых аналогов в каких-то природных явлениях.

В качестве первой нормы, обозначающей переход к праву, можно назвать право наследования по отцовской линии, т.е. норму, обусловившую переход от матриархата к патриархату.

¹ Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 75.

² Бородай Ю. М. От фантазии к реальности. М., 1995. С. 223.

³ Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М., 2012. С. 10.

«Естественный факт единоутробного происхождения, — отмечает В. О. Ключевский, — не позволял материнскому роду отдавать женщину в собственность чужеродца, но идея собственности побуждала мужа-чужеродца стремиться сделать жену и детей, от нее прижитых, своею собственностью. И вот начинается борьба. Чтобы разрушить естественный факт единоутробного происхождения, мужчина-чужеродец должен был противопоставить ему фикцию, т.е. право, и правом разрушить факт кровного родства; право это, в виде целого ряда фикций, и развилось из понятия о собственности. Первоначально род материнский отдавал мужу-чужеродцу свою женщину не в собственность, а только в пользование. Способы приобретения этого пользования были различными: умычка (т.е. плен), покупка и уже после всего сговор...»⁴ Далее Ключевский отмечает, что желание мужа видеть в детях своих наследников приводило к тому, что он, кроме законных жен, стремился иметь еще и рабынь, детям которых передавал свое имущество. «Рабыня — лицо без рода и, следовательно, становилась сама собой собственностью мужа, поэтому и дети ее считались личным достоянием господина и они только получали наследство от своего отца, тогда как его дети от законной жены были наследниками материнского рода. С течением времени обычай передачи наследства детям от рабыни видоизменился, превратив следствие в причину; если первоначально передача наследства была следствием происхождения, то впоследствии передача этого наследства стала причиной родства...»

Моральное сознание осваивает мир и одновременно конструирует его (а не просто его подправляет). При этом в одном процессе соединены первичная оценка окружающей человека действительности, создание новой реальности (социальной) и ее практическая проверка на истинность.

Важнейшим итогом духовно-практического освоения действительности является утверждение в общественной жизни определенных

социальных норм. Они воспроизводятся в жизни различных групп, социально-исторических общностей и являются способом передачи канонизированного в данной культуре представления о необходимых формах коммуникации, о должном. На основе этого представления строятся практические взаимоотношения людей, выполняются ожидания одних людей относительно возможного или обязательного (высоковероятного) поведения других.

Правовое сознание тоже в значительной степени способствует возникновению такой искусственной реальности, которой до утверждения правовых норм не существовало. Но, как более поздний по сравнению с моралью феномен, право может закреплять, усиливать те отношения, которые уже сложились и практикуются благодаря нравственным представлениям людей. Скажем, моральная норма «не лги» может получить оформление в виде юридического договора, фиксирующего необходимость выполнения тех или иных обязательств. В результате она получает конкретизацию и формализацию, связанную с четким отнесением ее к определенным обстоятельствам и большую степень обязательности. Тем не менее и в праве мы имеем дело с исторической подтверждаемостью нормы во взаимоотношениях отдельных лиц и жизни социально-исторических общностей людей. Неудачные законы рано или поздно отбрасываются общественной практикой.

За счет некоторых норм в праве также создается новая реальность, без этих норм не существующая. Например, благотворительность в морали не является обязательной. Она предполагает выбор того, по отношению к кому оказывается, и потому часто определяется как несовершенная добродетель, потому что принципиально не может быть универсализирована. Но если речь идет о социальной политике государства, то правовые нормы, фиксирующие обязанности государства по отношению к нуждающимся лицам, уже являются обязательными для исполнения. В этом смысле они являются универсальными для обозначенных в гипотезе лиц.

⁴ Ключевский В. О. Методология русской истории // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988. С. 177.

Степень формализации отношений людей в морали никогда не может быть доведена до такой степени, как в праве, так как мораль в большей степени апеллирует к естественным представлениям, связанным с утверждением равенства людей по природе и с другими естественными правами. Но ни в каких природных фактах не может быть заключена идея о том, что, скажем, ездить надо по правой стороне или пропускать тех водителей, которые находятся справа от тебя на нерегулируемом перекрестке равнозначных дорог. Это уже чисто искусственные определения, которые оказываются необходимыми обществу в связи с искусственными же новыми видами деятельности.

Таким образом, между моральными и правовыми понятиями имеются и сходства, и различия, и сейчас я хочу обратиться к механизмам возникновения наиболее общих моральных представлений, которые в чем-то могут противоречить логике здравого смысла и иногда воспринимаются как нечто загадочное.

Как производятся моральные понятия, многие из которых потом также составляют и основу правовых норм? Для этого надо понять основы работы психики и сознания.

Как полагают многие исследователи, мозг прорабатывает разные решения, но важно отметить, что это не просто выбор из некоторого списка возможного в данных условиях, а именно разыгрывание возможных будущих гипотетических состояний реальности. В такой игре состоит смысл идеального, смысл удвоения реальности, который не сводится к ее копированию, а предполагает гипотетические предположения о ее будущих состояниях.

Идеальное — это именно разыгрывание в сигналах головного мозга состояния реальности (мира), отнесенного к некоторому будущему моменту времени. Такая игра дает возможность опережающего отражения действительности на уровне идеальных образов. В них создается представление о том, какова будет реальность в будущий момент времени и каков будет оптимальный способ действия субъекта в этот момент времени и в этой изменившейся реально-

сти. Притом диапазон будущего очень широк — начиная от подготовки животного к прыжку во время охоты и заканчивая теми абстрактными идеями (представлениями о новых технических системах или новых формах общественной организации), которые способен создавать уже только человек благодаря понятийному мышлению.

Применительно к поведению животных, имеющих психику, ориентация на основе идеального образа хорошо описана П. Я. Гальпериным. Суть дела заключается в том, что инстинктивная связь с миром не позволяет учитывать действие в ситуации с меняющимися параметрами, например когда приходится прыгать на жертву с разного расстояния. Здесь невозможна однозначная реакция, т.е., по существу, одинаковое усилие мышц, необходимое для совершения действия, возникающее в связи с некоторым внешним раздражителем. Например, реакция лягушки на пролетающую муху может быть понята как инстинктивная. Муха попадает в поле зрения лягушки, в результате выдается команда на выбрасывание языка и муха оказывается пойманной. Но охота белого медведя на нерпу уже не может быть понята как инстинктивная. П. Я. Гальперин приводит в данной связи интересный факт. Белый медведь, промахнувшись при охоте на нерпу, отходит на позицию, с которой он совершал прыжок, и начинает прыгать на то место, где лежала нерпа⁵. Конечно, он тренирует не свою силу мышц, а именно способность ориентации на основе идеального образа. Для того чтобы иметь возможность совершать сложные движения, настигать жертву, предугадывая ее движения, прыгать на нее с разного расстояния, вся ситуация должна быть предварительно разыграна в сигналах головного мозга. На основе итогов такой игры должны быть выданы команды мышцам (разные в каждом конкретном случае), и эта игра, по существу, и составляет суть идеального.

Из таких условий работы психики для этики следует важнейший вывод. Человек в силу законов своей психической деятельности, в силу ориентации на основе идеального образа неизбежно, произвольно ставит себя на место

⁵ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 165.

другого. И из этого в принципе может следовать реакция сострадания, основанная на эмпатии. Но она следует только тогда, когда общая направленность действия, ориентированная на реализацию эгоистического интереса, эту реакцию не заглушает, т.е. тогда, когда сознание по тем или иным причинам неактивно.

Для успешной ориентации оказывается также необходимым исследование объективных свойств реальности, отвлеченное от субъективного интереса момента. То есть и в этом смысле субъект для успешной ориентации должен преодолеть свою субъективность. Человек обладает для этого большими возможностями, поскольку он имеет язык и связанное с ним понятийное мышление. Именно язык, в котором вещи чаще всего обозначаются произвольными именами, не имеющими аналогов в природных звуках (показательно, что древние языки содержат меньше слов, происходящих от таких аналогий, чем современные), позволяет нам выйти за пределы непосредственного эмоционального отношения к действительности и начать мыслить в абстрактных образах.

Когда на львов в африканской саванне начали охотиться с вертолетов, они быстро научились отличать вертолеты от всех других летающих объектов, прежде всего — самолетов, птиц. Но их поведенческая реакция была всегда однозначной. При появлении вертолетов они бежали и прятались. И лев, по-видимому, никогда не сможет, находясь в спокойном состоянии, размышлять о том, какие бывают вертолеты, чем, скажем, военные отличаются от гражданских и т.д., поскольку он принципиально не может выйти за пределы эмоционального восприятия ситуации.

Человек способен рассуждать о мире, отстраняясь от непосредственной эмоциональной реакции, и только благодаря этому он может воспринимать мир предметно. Более того, он способен строить относительно мира и своего бытия в мире долговременные планы, фактически уходящие в бесконечность, если иметь в виду продолжение наших дел в жизни будущих поколений.

Приведенные положения очень важны для понимания сути этического мышления, так как,

преодолевая свою субъективность, человек, собственно, и смотрит на себя глазами другого. Это порождает нравственное отношение, создает почву для нравственных представлений. Причем частью такого отношения является не только эмпатия как непосредственное эмоциональное отношение к другому, но и выход за пределы такого отношения, восприятие ситуации в обобщенном, универсальном смысле, распространение реально ощущаемого эмпатического отношения на обезличенного другого, т.е. его универсализация.

Здесь надо подчеркнуть еще одно обстоятельство. Наш мозг производит сложные абстракции морального порядка благодаря особой взаимосвязи между разными уровнями психической организации: сознанием, подсознанием и интуицией. Дело в том, что сознание содержит в себе эгоистический элемент, личный интерес, который всегда ставит вопрос: а почему и до какой степени я должен действовать во имя другого? Если обратиться к истории этики, то можно сказать, что средневековый мыслитель Плотин был первым философом, который обратил внимание на эту особенность и сказал, что бессознательно человек обычно действует более нравственно, чем осознанно.

Уровни психической организации, которые выделяет Плотин, удивительно соответствуют уровням, признаваемым в современной психологии. У Плотина это: сознание, сверхсознание и бессознательное. Современная психология признает сознание, подсознание (психические автоматизмы) и интуицию, или сверхсознание. Сверхсознание у Плотина — это соединение с абсолютным, которое, однако, требует такого психического напряжения, что личность не может находиться на этом уровне долгое время. С сознанием связана обычная человеческая деятельность, в том числе целеполагание. Бессознательное — это проявление мотивов, не искаженных деятельностью сознания, которое, по Плотину, неизбежно связано с противоречивым, множественным миром и потому ослабляет сопровождаемые им моральные действия.

Конструктивная, созидательная природа человека (формирование его мышления в процессе созидательной трудовой деятельности) обя-

зательно приводит к фиксации условий бытия, имеющих негэнтропийную направленность. Это и есть первичная идея нравственных абсолютов. В соответствии с законами, установленными гештальт-психологией, подсознание стремится воспринять эти условия бытия в виде законченных, организованных по завершеному системному принципу образов. При этом оно опирается на работу интуиции, или сверхсознания, которая, используя обычные операции научной абстракции, доводит выделенные сознанием фундаментальные условия бытия до завершеного, логически непротиворечивого вида⁶. Таким образом, путь возникновения нравственных понятий, в том числе представлений о высшем моральном абсолюте, в мышлении человека представляется многоступенчатым: от сознания, фиксирующего необходимые условия бытия, к подсознанию, стремящемуся зафиксировать отвечающие этим условиям мотивы поведения на уровне автоматической реакции и работающему по системному принципу (т.е. в конечном счете — стремящемуся к упрощению реальности), от него к интуиции, проводящей данное упрощение методом логической абстракции, от интуиции опять к автоматической реакции подсознания, но уже минуя те противоречивые характеристики бытия, которые фиксируются сознанием. При завершении формулирования многих понятий интуиция работает, минуя те ограничения, которые идут от множественности и противоречий бытия, но автоматическая реакция подсознания, построенная в соответствии с выводами интуиции, проявляется в реальном мире, где реализация многих моральных ценностей в абсолютном смысле оказывается невозможной и даже кажется противоестественной тому, что может быть разработано сознанием. Отсюда и возникает мысль о загадочности и божественном происхождении высших нравственных ценностей, которые связываются с трансцендентным миром, формулируются в виде абсолюта, который стремится реализовать себя во множественном мире. Так, например, была построена концепция Вл. Соловьева.

Но и другие нравственные понятия, прежде всего представление о совести как совидении, как преследовании со стороны высшего существа или души умершего, производятся во многом тем же путем, причем именно тогда, когда сознание находится в неактивном состоянии, а интуиция, наоборот, получает большие возможности работать вне ограничений со стороны сознания, например — во сне.

Данное положение важно подчеркнуть в связи с той ролью, которая часто отводится интуиции в современных моральных теориях. Считается, что интуиция (речь идет об индивидуальных ощущениях, а не об исторических интуициях, которые имеют культурную природу) может дать нам более точное знание, чем обычные рациональные рассуждения. Это неверно. Интуиция — это логические процедуры, выведенные из-под контроля нашего сознания. Она работает по тем же системным принципам, что и сознание, и точно так же способна породить ошибку, связанную с той односторонностью, упрощением, которое обычно приписывается теоретическому знанию.

Следующий тезис, на котором я хочу остановиться, — это отрицание свободы воли группой аналитических философов, исследующих проблему сознания.

В разных формах свободу воли отрицают такие аналитические философы, как: Д. Перебум, Ван Иген, Джон Мартин Фишер.

Их аргументация выглядит довольно просто: на каждое решение воздействует предшествующее состояние, а на это состояние — то, которое предшествовало ему, и таким образом выбор оказывается predetermined. Этой позиции противопоставляется либертарианство, которое отказывается от детерминизма. Роберт Кейн (либертарианец) считает, что свобода воли несовместима с детерминизмом, но совместима с индетерминизмом. Однако ответственности индивида за свои действия не получается ни в том ни в другом случае, ведь как можно отвечать за события, от тебя не зависящие.

⁶ При большой роли эмоционального момента в работе подсознания следует отметить, что в этой сфере могут происходить и логические операции. Это как раз подтверждается интеллектуальной интуицией.

Одним из аргументов тех, кто отрицает свободу воли и возможность сознания влиять на принятие решений, послужили известные эксперименты Б. Либета, который показал, что переживание, сопровождающее решение что-то сделать, запаздывает за мозговыми процессами, т.е. возбуждение в мозге предшествует осознанию того, что совершается некоторое действие. Эти исследования получили дальнейшие подтверждения и обсуждаются до сих пор. Но Д. И. Дубровский справедливо отмечает, что в эксперименте действие осуществляется по программе, заданной экспериментатором (надо поднять руку), а значит, оно уже предварительно осмысливается. Кроме того, Дубровский ставит вопрос о том, а что, собственно, доказывают подобные эксперименты, даже если бы можно было допустить их полную корректность?

«Но давайте условно примем, что эксперименты Либета и Суна были безупречны. Что же тогда им удалось доказать? Только то, что некоторое простейшее действие (одно из двух), заданное согласно инструкции, начинается и выполняется до того, как испытуемый осознает свое решение произвести действие, т.е. как бы осуществляется на бессознательном уровне. Но при этом, повторю, у испытуемого было сформировано ясное понимание и осознание поставленной перед ним задачи, а также согласие выполнить ее. Трактовать все это как опровержение свободы воли, или даже как существенный довод в пользу такого заключения, по меньшей мере наивно. Хорошо известно, что в обыденной жизни сплошь и рядом четкая и важная сознательная установка может развязывать цепь действий, часть которых “проскакивает” на неосознаваемом уровне, обеспечивая, однако, достижение сознательно поставленной цели»⁷.

В разрешении проблемы о свободе воли я принимаю теорию эмерджентной причинности, т.е. представление о том, что одни нейронные сети могут управлять другими и это позволяет интерпретировать идеальное на

основе материального. Идеальное в такой интерпретации оказывается некоторым смыслом, порожденным сложноорганизованными взаимодействиями мозговых сетей.

Правда, это возвращает нас к известной теории тождества, а один из наших крупнейших специалистов по сознанию В. В. Васильев считает, что теорию тождества нельзя верифицировать и поэтому она должна быть отвергнута. Выражая свою позицию, он пишет: «Простой довод, сразу подрывающий теорию тождества, состоит в том, что ее главный тезис — если не интерпретировать его в элиминативистском смысле, когда он очевидно ложен, — попросту бессмыслен: это и есть та карусель иллюзий, на которой помещалась вся теория тождества. И бессмыслен этот тезис потому, что его нельзя верифицировать. В самом деле, как верифицировать утверждение, что некое ментальное состояние — скажем, чувство, возникающее при просмотре фильма *Lost in Translation*, — тождественно нейронному процессу в мозге?»⁸

Элиминативистский смысл — это просто лишение сознания онтологического статуса, что пытается сделать Деннет. Но что может означать этот онтологический статус, насколько идеальное может онтологически быть чем-то противоположным материальному? Тогда действительно непонятно, о тождестве чего идет речь.

Теория тождества сталкивается с одной, казалось бы, непреодолимой сложностью. В логике тождества, на первый взгляд, оказывается невозможным понять, что такое идеальное, какой вообще смысл имеет данное понятие, если все сводится к материальным процессам. Тем не менее при таком подходе не нарушается принцип казуальной замкнутости физического. Если же рассматривать идеальное и ментальное как нечто радикально отличное от материального, принцип казуальной замкнутости физического нарушается.

В. В. Васильев предлагает решить эту проблему через утверждение, что принцип казуальной замкнутости физического может нарушаться на

⁷ Дубровский Д. И. Проблема свободы воли и современная нейронаука // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67. № 6. С. 741.

⁸ Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 80.

локальном уровне, но присутствовать на глобальном уровне, предполагающем связь мозга и порожденного им сознания с миром в целом. Для этого вводится понятие глобальной супервентности. Такая супервентность предполагает, что сознание как таковое не заключено в мозге, а обусловлено связью мозговых процессов с миром в некотором глобальном смысле, например — резонансными отношениями с микромиром⁹. Тем не менее на данный момент это не более верифицируемо, чем то, что предполагается в теории тождества. Кроме того, можно заметить, что резонансные отношения могут быть между какими-то сходными сущностями, а процессы в мозге человека вряд ли сходны с процессами, которые можно наблюдать в микромире.

Но вернемся к теории тождества и зададим вопрос, действительно ли нельзя верифицировать, что чувству соответствует некоторый нейронный процесс? На мой взгляд, вполне можно.

Допустим, мы воспринимаем некоторый пространственный образ. Это может сделать только целая цепь нейронов. Тому, кто знаком с аналитической геометрией, понятно, как пространственный образ может быть задан в двоичном коде. Это будет целая матрица значений. Но на этом работа мозга не заканчивается. По-видимому, данная цепь имеет и своего представителя в виде одного контрольного специализированного нейрона. Так как нейроны не транзисторы, а клетки, они, как уже показано в исследованиях, могут быть специализированными. Это именно те нейроны, которые, как даже уже снято на видео, приходят в особое возбужденное состояние при работе мозга по различению пространственных образов. Это сигнал: образ опознан — это кошка, ее можно погладить, и далее этот сигнал, получающий эмоциональную окраску, передается либо непосредственно к миндалевидному телу, отвечающему за движения, либо, в случае неопределенной ситуации, в неокортекс и уже затем к миндалевидному телу. В своей книге

«Эмоциональный мозг» Д. Гоулмен показал, что эти два пути имеют большое эволюционное значение. Один вызывает более быструю реакцию, а другой более долгую, но зато более продуманную. Одно дело, когда вы видите кошку, другое — когда змею. В последнем случае уже нет времени на размышления¹⁰.

Таким образом, в работе мозга представлены не только чувственные реакции, но и пути этих чувственных реакций, связанные с особыми эмоциями типа страха, чувства опасности или, наоборот, предвосхищения чего-то приятного.

Но пока мы еще только подошли к объяснению квалиа. Для того чтобы понять, что это такое в окончательном смысле, надо обратиться к способам кодирования образов и операций, которое способно проводить с ними сознание.

Для того чтобы понять это, надо осмыслить, что такое феноменальный опыт. Это опыт, порожденный поэтапным осмыслением развития нашего тела и нас самих в конкретных жизненных ситуациях, конечно, при учете влияния общего культурного фона. Такой опыт наделяет все образы нашего сознания особым субъективным смыслом, эмоциональным отношением, которое присутствует тогда, когда образы прошлых восприятий извлекаются из нашей памяти. Этот опыт оказывается не менее важен, чем способность чисто рационального рассуждения, потому что с этим опытом связана классификация событий.

В упоминавшейся уже книге «Эмоциональный мозг» Гоулмен приводит пример с человеком, у которого в результате хирургической операции на мозге оказалась повреждена эмоциональная сфера. Он мог прекрасно решать математические задачи, но был беспомощен даже в том, чтобы назначить обычную встречу с врачом, так как всегда находились мешающие обстоятельства и все события казались ему равнозначными¹¹.

Смысл сознания как субъективной реальности заключен не только в образах. Поддерживая идеи К. В. Анохина, А. М. Иваницкий совершен-

⁹ Васильев В. В. Трудная проблема сознания. С. 224—227.

¹⁰ Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М., 2009. С. 39.

¹¹ Гоулман Д. Указ. соч. С. 90—91.

но верно отмечает, что «сознание человека состоит не только из последовательности образов. Оно также способно манипулировать этими образами и символами, формируя мыслительный процесс»¹².

Д. И. Дубровский тоже отмечает, что человек оказывается способным управлять своими мозговыми процессами, и это формирует то, что можно назвать психической причинностью. «У человека высшие формы нисходящих детерминаций выступают... в форме психической причинности, которая знаменует активность нашего Я, является функцией Эго-системы головного мозга»¹³.

Итак, мозг работает по принципу взаимосвязи сетей разного уровня. Более того, эти сети, наиболее вероятно, не являются чем-то постоянным. Они подвижны, подчинены определенным функциям, в том числе — отвечающим данному моменту активности субъекта. Особенностью сетевых взаимодействий в принципе является то, что единый управляющий центр отсутствует. Для решения какой-то задачи подключаются новые ресурсы, создаются новые нейронные связи. В принципе на это способен и процессор компьютера, так что не составляет загадки то, что в человеческом мозге мы не находим какого-то специального центра сознания. Но компьютер не обладает телом, без которого оказывается невозможен феноменальный опыт.

Таким образом, можно сказать, что идеальное не абсолютно противоположно материальному, но связано с несколькими уровнями рефлексивного отношения:

- отражение того, что происходит в мире, и оценка этого с точки зрения возможности удовлетворения некоторых первичных потребностей субъекта. Разыгрывание в аналоговых сигналах (образах) того, что может произойти в мире. Постоянный перевод этих сигналов в двоичный код для извлечения из памяти эмоциональной оценки;

- рефлексия своего возможного положения и действий в соответствии с тем, что могло бы произойти при моих успешных действиях;
- наконец — исследование объективных свойств реальности при отсутствии непосредственного заинтересованного действия в некоторых обстоятельствах. Это будет связано уже с потребностями нового уровня. У животных это просто ориентировочный инстинкт. У человека — те эмоциональные состояния, которые сопровождают процесс познания, открытие истины.

Итак:

Наша свобода воли заключена, во-первых, в произвольной модельнотворческой (или гипотезотворческой) активности мозга. Это условие ориентации на основе идеальных образов, так как мозг прорабатывает разные варианты и выбирает из них наилучшие.

Во-вторых, в том, что отбираемые управляющей инстанцией решения в принципе никогда не являются окончательными. Каждый из нас сталкивался с феноменом позднего решения, когда, например, наиболее удачные ответы оппонентам приходят уже после завершения дискуссии. Мозг может ошибаться, какие-то решения могут казаться равнозначными, но действовать все равно приходится. Декарт пытался решить эту проблему в своих правилах для практически действующей морали. Во втором правиле он говорит: «Никогда не отказывайся от однажды принятого решения». И действительно, обдумывать решение можно бесконечно долго, а жить надо сейчас. Дж. Серль пытается решить обозначенную проблему, вводя понятие разрыва. Разрыв, ничем не заполненный, как раз связывается им с понятием свободы воли. Свободные решения поэтому всегда оказываются как бы недодетерминированными. Они принимаются в условиях неполной информации и являются вероятностными. Но наши неправильные решения или не до конца правильные решения могут создавать новые ситуации. Та-

¹² Иваницкий А. М. Наука о мозге на пути к решению проблемы сознания // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 5—6. С. 449.

¹³ Дубровский Д. И. Указ. соч. С. 751.

ким образом, фаллибилизм (принципиальная возможность ошибки) также лежит в основании свободы воли.

Наконец, в-третьих, свобода воли связана с саморефлексией. Что бы ни говорили философы о предопределенности нашего характера прошлыми обстоятельствами жизни, человек ответственен за свой характер. У него есть возможность размышлять над своим поведением, выяснять, к чему он склонен, и, если есть необходимость, бороться с этими склонностями. Это прекрасно понимал уже Аристотель.

В. В. Васильев в вышедшей недавно книге «В защиту классического компатибилизма» ставит вопрос: почему, если детерминизм сам

по себе несовместим со свободой воли и с ней также несовместима случайность, то оба эти фактора, объединенные вместе, могут создать условия для существования свободы воли и моральной ответственности¹⁴. Но потом автор как бы уходит от этого вопроса.

Однако я думаю, что здесь как раз никакого противоречия нет. Именно сочетание детерминизма и случайности создает индивидуально неповторимые ситуации, в которых человеку приходится принимать обдуманные решения. И современная научная теория вообще исходит из того, что случайные факторы кооперируются с необходимыми на равных.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бородай Ю. М. От фантазии к реальности. — М., 1995. — 297 с.
2. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма : Эссе о свободе воли. — М., 2017. — 200 с.
3. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. — М., 2009. — 270 с.
4. Гальперин П. Я. Введение в психологию. — М., 1999. — 331 с.
5. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. — М., 2012. — 237 с.
6. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. — М., 2009. — 478 с.
7. Дубровский Д. И. Проблема свободы воли и современная нейронаука // Журнал высшей нервной деятельности. — 2017. — Т. 67. — № 6. — С. 739—754.
8. Иваницкий А. М. Наука о мозге на пути к решению проблемы сознания // Вестник российской академии наук. — 2010. — Т. 80. № 5—6. — С. 447—455.
9. Ключевский В. О. Методология русской истории // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. — М., 1988. — С. 142—220.
10. Крпоткин П. А. Этика. — М., 1991. — 496 с.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2018 г.

THE ORIGIN OF MORALITY: FREEDOM OF WILL AND MORALITY

RAZIN Aleksandr Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ethics of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
razin54@mail.ru
119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory, MGU, учебно-научный корпус «Шуваловский»

Abstract. The article deals with the specificity of formation of common moral concepts. It is noted that this process involves consciousness, sub-consciousness and intuition. At the same time, intuition brings moral ideas to such an extent of abstraction to which consciousness, due to the selfish interest represented in it, can not bring them. Sub-

¹⁴ Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма : Эссе о свободе воли. М., 2017. С. 26.

consciousness provides for automatic behavior and, at the same time, completes our ideas to systemic integrity. Moral thinking, awareness of the relationship with others constitute an important aspect of the formation of human consciousness as a whole. The article also deals with the problem of freedom of will and moral responsibility. The author criticizes the views of analytical philosophers who believe that free will is an illusion. It is demonstrated that freedom of will is already included into the mental mechanisms associated with the orientation ability on the basis of ideal images. It arises because the brain works through all possible action situations in a hypothetical reality, the state of which refers to a certain moment in the future. It makes you put yourself in the place of another, and, thus, a primary moral attitude arises. To some extent, higher animals are also capable of this, but a human being can analyze the action situation more deeply, and refer his ideas to a distant future, because the language allows him to overcome immediate emotional reactions to the situation.

In resolving the problem of free will, we accept the theory of emergent causation, i.e. the idea that some neural networks can control others, and this allows us to interpret the Ideal on the basis of the Material. The Ideal in this interpretation turns out to represent a sense generated by complex interactions of brain networks. At the same time, the senses generated by the work of the brain take into account the phenomenal experience of the participant, his past emotional reactions to various events of his individual life. This makes it possible to classify events, to separate the important from the unimportant when planning future actions.

Keywords: *Consciousness, will, freedom, responsibility, character, brain, neural networks, images, causation, emotions.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boroday Yu. M. Ot fantazii k real'nosti. — M., 1995. — 297 s.
2. Vasil'ev V. V. V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma : Esse o svobode voli. — M., 2017. — 200 s.
3. Vasil'ev V. V. Trudnaya problema soznaniya. — M., 2009. — 270 s.
4. Gal'perin P. Ya. Vvedenie v psikhologiyu. — M., 1999. — 331 s.
5. Girenok F. Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo. — M., 2012. — 237 s.
6. Goulman D. Emotsional'niy intellekt. — M., 2009. — 478 s.
7. Dubrovskiy D. I. Problema svobody voli i sovremennaya neyronauka // Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti. — 2017. — T. 67. — № 6. — S. 739—754.
8. Ivanitskiy A. M. Nauka o mozge na puti k resheniyu problemy soznaniya // Vestnik rossiyskoy akademii nauk. — 2010. — T. 80. № 5—6. — S. 447—455.
9. Klyuchevskiy V. O. Metodologiya russkoy istorii // Tsivilizatsiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee cheloveka. — M., 1988. — S. 142—220.
10. Kropotkin P. A. Etika. — M., 1991. — 496 s.